

К типологии классов лабильных глаголов

А.Б. Летучий, РГГУ, Москва

Елене Викторовне Падучевой
с благодарностью и уважением

Введение

Лабильные глаголы, то есть глаголы, способные к варьированию диатезы и переходности без изменения формы, рассматриваются в лингвистических работах, посвящённых переходности и актантной деривации, начиная с работы [Чикобава 1942]. Особенно важное место они занимают в литературе по эргативным языкам, ср., например, [Махмудова 2001], [Haspelmath 1993a] и др. С другой стороны, лабильность рассматривается и в типологическом аспекте - отметим работы [Полинская 1986], [Haspelmath 1993b], [Drossard 1993] и [Лютикова 2002].

Нашей целью будет не построить типологию лабильных глаголов, а выработать параметры классификации **классов** лабильных глаголов в языках разных типов¹, то есть понять, какие свойства может иметь в том или ином языке группа лабильных глаголов в целом.

Сами лабильные глаголы можно классифицировать по семантическому соотношению между их диатезами: при **декаузативной** лабильности одно из употреблений глагола семантически является каузативом от другого, ср. нем. *brennen* ‘гореть/жечь’, при **рефлексивной** – рефлексивом, ср. англ. *wash* ‘мыть(ся)’, при **взаимной** – реципроком, ср. эст. *suudlema* ‘целовать(ся)’. **Конверсивная** лабильность предполагает, что глагол в обоих употреблениях имеет два актанта — стимул и экспериенцер, но в одном употреблении субъектом является один из них, а в другом — второй, ср. болгарский глагол *мириша* ‘нюхать/пахнуть’. При лабильности **пассивного** типа одно из употреблений является пассивом от другого, с точностью до видовых значений: ср. кабийский *mDl* ‘погребать/быть погребённым’ (непереходное употребление обозначает результат действия)². Полная классификация лабильных глаголов приводится в работах [Лютикова 2002] и [Летучий 2006].

Помимо явных представителей классов, существует много переходных случаев. Одним из классов глаголов, которые с трудом поддаются классификации, являются глаголы движения (см. часть 3).

Типология систем лабильных глаголов

В нашей работе мы постараемся показать, что рассмотрение класса лабильных глаголов в целом действительно может быть полезно. Предлагаемый ниже список параметров систем, разумеется, может быть дополнен другими параметрами.

¹ В нашей работе не будет рассматриваться только лабильность, связанная с опущением объекта (*Вася читает книгу vs. Вася сейчас читает*).

² Заметим, что пассивной лабильности в чистом виде — типа, например, ‘строить/строиться’ — в языках мира не обнаруживается. В этой работе мы не будем подробно разбирать причины отсутствия такого варьирования.

1. Количество лабильных глаголов

Наиболее очевиден параметр количества лабильных глаголов в языке, по сравнению с количеством нелабильных глаголов. Как правило, лабильные глаголы в языках мира составляют явно меньшую группу, чем глаголы без варьирования. Исключением является английский, для которого, вероятно, удобнее говорить о том, какие группы глаголов **не** лабильны.

Гораздо больше языков, где лабильные глаголы составляют небольшую группу: в лезгинском языке их около десяти, в болгарском, русском, или арабском — около двадцати и т.д. Среди групп индоевропейских языков развитую лабильность имеют германские и романские языки, неразвитую — славянские. В других ареалах лабильность развита в нахско-дагестанских и абхазо-адыгских языках.

Языки нашей выборки можно расположить на следующей шкале по количеству лабильных глаголов:

английский > немецкий, аварский, адыгейский > скандинавские, французский > болгарский, русский > сербский, румынский, лезгинский > польский, тюркские³ > чешский, венгерский.

Однако даже оценка числа лабильных глаголов не так проста, как может показаться: она осложняется наличием в рассматриваемых языках продуктивных словообразовательных формантов, которые могут делать лабильные глаголы нелабильными, или, наоборот, вызывать лабильность — неясно, считать ли разными лабильными глаголами однокоренные глаголы с разными словообразовательными формантами. Так, во французском языке среди лабильных глаголов большое количество образовано от прилагательных:

grandir ‘увеличивать(ся)’;

grossir ‘делать/становиться тонким’;

refroidir ‘охлаждать(ся)’

baisser ‘понижать(ся)’;

chauffer ‘нагревать(ся)’;

hausser ‘повышать(ся)’.

Аналогичным образом, в арабском языке существует класс лабильных глаголов третьей породы (деривационной модели): *sa:wa:* ‘равняться/уравнивать’, *qa:raba* ‘приближать(ся)’, *wa:zana* ‘уравновешивать(ся)’, образованные с помощью удлинения гласного первого слога.

Такие случаи могут анализироваться не только как «лабильность лексем», но и как своего рода «лабильность словообразовательных моделей» - то есть вариативность, вызванная свойствами показателя или словообразовательной модели. Поэтому языковые системы, где класс лабильных глаголов содержит много однотипных производных глаголов, мы считаем «менее склонными к лабильности», чем системы с непроизводными

³ Тюркские языки представляют собой особый случай: в них лабильность регулярно проявляют только фазовые глаголы со значениями ‘начать(ся)’ и ‘закончить(ся)’.

лабильными глаголами (в рамках этой логики немецкие лексемы сами по себе более склонны к лабильности, чем французские).

Сам учёт количества лабильных глаголов даёт не слишком много для понимания свойств данной системы, но полезен в сочетании с другими факторами, связанными с семантическими и формальными свойствами глаголов, к которым мы сейчас и перейдём.

2. Основные группы лабильных глаголов по соотношению между диатезами

После того, как классификация лабильных глаголов построена, можно говорить о соотношении типов лабильных глаголов в том или ином языке.

2.1. Гомогенные vs. гетерогенные системы.

В некоторых языках все лабильные глаголы довольно близки по своим свойствам: к примеру, все они имеют прототипический пациенс. Такие системы мы будем называть **гомогенными**. Напротив, в других языках лабильные глаголы не составляют подобной группы: имеются различные типы лабильности, варьируют характеристики актантов лабильных глаголов и др. Системы такого типа можно назвать **гетерогенными**.

Так, к гомогенным системам, безусловно, относится адыгейский язык (система адыгейских лабильных глаголов была описана в работах [Яковлев, Ашхамаф 1941], [Рогава, Керашева 1966], [Гишев 1969], [Кумахов 1990], а также автором в работе [Летучий в печати]). Подавляющее большинство лабильных глаголов в нём составляют пары ‘каузатив/инхоатив’, при этом действие, субъект глагола сильно пациентивен: в частности, к лабильным глаголам относятся такие, как *zeʔetxən* ‘разрывать(ся)’, *q_wəten* ‘разбивать(ся)’, *zebʰərətəq_wən* ‘рассыпать(ся)’ и др. Ещё более заметна тенденция к лабильности таких глаголов в лезгинском языке: ср. *xun* ‘ломать, раскалывать’, *kun* ‘гореть/жечь’. *q'in* ‘умереть/убить’, *qθazunin* ‘порвать(ся)’, *aTun* ‘оборвать(ся)’.

В кабардском языке, по свидетельству [Chaker 1983] около ста глаголов имеют лабильность пассивного типа, ср. *mDl* ‘погребать/быть погребённым’ – и почти отсутствует лабильность другого типа.

Напротив, в болгарском языке лабильны глаголы различных типов, например, декаузативно-лабильны фазовые глаголы (*започвам* ‘начинать(ся)'), конверсивную лабильность проявляет глагол восприятия *мириша* ‘нюхать/пахнуть’, к рефлексивному типу близки *уча* ‘учить(ся)’, *паса* ‘пасти(сь)’, глагол *мръдва* ‘шевелить(ся)’ занимает промежуточное положение, то есть система является **гетерогенной**.

Гомогенность той или иной системы лабильных глаголов является, конечно, не бинарным, а градуальным противопоставлением. По сути, гомогенность системы лабильных глаголов – это отношение количества глаголов к количеству классов глаголов: чем оно больше, тем более гомогенна система.

Сочетание параметров гомогенности и количества глаголов позволяет выделить два типа систем лабильных глаголов – «кавказский» и

«европейский». Только в кавказских эргативных языках встречаются большие гомогенные системы – типа адыгейской. Вероятно, это различие показывает, что лабильность занимает в системах эргативных и аккумулятивных языков разное место: в первых она близка к маркерам деривации, а следовательно, воздействует на прототипически переходные глаголы, которые в других языках часто обслуживаются маркерами дериваций (каузатива, декаузатива и др.), а во вторых сильно отличается от маркеров.

Если система гомогенна, это свидетельствует о том, что лабильность в ней вполне развита – хотя бы для определённой группы она является регулярной. В частности, в адыгейском языке лабильность оккупирует практически весь класс прототипически переходных глаголов. Даже если гомогенная система невелика, как в лезгинском, можно говорить, что она занимает определённую нишу, характерна для определённого компактного класса глаголов. Это роднит лабильность типа лезгинской с непродуктивными показателями деривации: так, рефлексивное употребление русского показателя *-ся* ограничено компактным классом глагола «ухода за телом»: например, *мыться, бриться, одеваться, причёсываться*.

Напротив, гетерогенных системах лабильность не является продуктивной ни для одного класса и, следовательно, характеризует отдельные лексемы, причём часто в силу различных их признаков.

2.2. Преобладающий тип лабильных глаголов.

Как в гомогенных, так и в гетерогенных системах можно выделить преобладающий класс лабильных глаголов. Итак, будем рассматривать преобладающий тип лабильных глаголов как тип пар значений, проявляющих лабильность в наибольшем проценте случаев, когда соответствующее значение вообще имеет смысл. Таким образом, отсутствие лабильности типа ‘разбить/разбить друг друга’ для нас нерелевантно, поскольку значение ‘разбить друг друга’ не имеет смысла.

Преобладающим в языках мира типом является декаузативный тип: в частности, он преобладает в адыгейском, немецком, французском и других языках.

Причиной этого, вероятно, является то, что для лабильности большую роль играет прототипичность ситуации, то, насколько регулярно она возникает в реальном мире и требует ли она выражения. Многие рефлексивные и взаимные ситуации недостаточно прототипичны, хотя вполне возможны: так, не найдено лабильности типа ‘любить (себя)’, или ‘ранить (друг друга)’ хотя обе ситуации вполне могут иметь место. Даже в английском языке, где и взаимная, и рефлексивная лабильность широко распространены, они ограничены, соответственно, глаголами «ухода за телом» (*wash* ‘мыть(ся)’, *shave* ‘брить(ся)’, *dress* ‘одевать(ся)’), и глаголы контакта (*touch* ‘трогать/соприкасаться’, *kiss* ‘целовать’) – в частности, глаголами, отнесённые в работе [Kemmer 1993] к *inherent reciprocals* – глаголами, которые обозначают прототипически взаимные действия. Декаузативная лабильность распространена именно потому, что во многих

случаях и ситуации с участием агенса ('разбить'), и без его участия ('разбиться') в одинаковой мере прототипичны.

Помимо этого, причина заключается в том, что показатели реципрока и рефлексива есть почти во всех языках. Напротив, очень многие языки не имеют показателя каузатива или декаузатива. Его место как бы и занимает лабильность.

Тем не менее, преобладающими в языке могут становиться и другие типы лабильности, помимо декаузативного — в частности, в **чеченском** и **алюторском** языках доминирует рефлексивный тип (ср. алют. *ilyatav* 'умывать/умываться'; *tivla* 'отряхиваться/выбивать палкой'; *ujp* 'резаться, колоться, сажать занозу/втыкать, нанизывать'; *psesəwa* 'разуваться/разувать'), а в **берберском**, как уже было сказано, — пассивный.

Во многих случаях можно выделить ещё более узкую группу глаголов, для которых в данном языке характерна лабильность — так, в лезгинском языке таковыми являются обозначения ситуаций, возникающих под действием внешнего агенса и сильно затрагивающих пациенс (в частности, разрушающих его). Напротив, во французском языке декаузативную лабильность проявляют глаголы, обозначающие действия, которые часто возникают самопроизвольно, без участия агенса ('сохнуть', 'кипеть', 'замерзать')⁴ или с агенсом-инициатором⁵, который контролирует только начальную фазу ситуации ('варить', 'жарить'). Данное различие релевантно и для более общей перспективы: для разграничения систем «кавказского» и «европейского» типа. Для кавказских языков скорее характерны системы «лезгинского» типа – возможно, потому, что лабильность «замещает» отсутствующий маркер декаузатива – а он чаще всего применяется в языках мира именно для ситуаций, прототипически возникающих под влиянием агенса.

В болгарском языке, помимо глаголов с сентенциальными актантами – например, *започна* 'начать(ся)', *завърши* 'закончить(ся)', *продължава* 'продолжать(ся)' и др. лабильны глаголы *мириша* 'пахнуть, нюхать', *мръдва* 'двигать(ся)', *задълбавам* 'засовывать, углубляться', *приближавам* 'приближать(ся)' и некоторые другие. Данные глаголы объединяются по свойствам актантов – все они не имеют прототипического пациенса.

Системы лабильных глаголов можно расположить по степени близости лабильных глаголов к прототипу переходности: для эргативных языков характерна лабильность прототипически переходных глаголов. Напротив, в аккузативных языках чаще лабильны непрототипически переходные глаголы, не имеющие прототипического агенса или прототипического пациенса.

Это показывает, что лабильность в эргативных языках в большей степени, чем в аккузативных, напоминает грамматический маркер

⁴ Для французского языка существенно, что речь идёт именно о действии, происходящем без участия агенса, хотя, как убедительно показано в работах [Haspelmath 1993] и [Wright 2001], в перечисленных ситуациях обязательно принимают участие такие **неагентивные** природные силы, как солнце, огонь, холод и т.д.

⁵ О различии агенса-инициатора и агенса-исполнителя см. работу [Гаврилова 2000].

декаузатива или каузатива, так как возникает у прототипически переходных глаголов. Маркеры деривации также чаще всего сочетаются с прототипически переходными глаголами.

2.3. Производные глаголы и их место среди лабильных

Как правило по лабильности рассматривались производные глаголы: именно для таких глаголов можно постулировать лабильность в чистом виде как характеристику основы. Однако, как было показано выше, для некоторых систем очень важны словообразовательные характеристики лабильных глаголов, их производность.

Так, во французском языке лабильность очень характерна для отадъективных глаголов (в особенности беспрефиксных) – ср. *noircir* ‘чернеть, чернить’, *rougir* ‘краснеть, краснеть’ и др. Как отмечается в работах [Кумахов 1990] и [Махмудова 2001], в адыгейском и рутульском языках также преимущественно лабильны производные глаголы с локативными префиксами. В арабском языке в особенности интересна лабильность глаголов третьей породы с компонентом симметричности ситуации: ср., например, *qa:raba* ‘приближать(ся)’, *sa:wa:* ‘равняться, уравнивать’, *wa:zana* ‘уравновешивать(ся)’ и др.

Лабильные производные глаголы можно подразделить на следующие типы в соответствии с ролью, которую играют в возникновении лабильности исходная основа и словообразовательный маркер

- (1) лабильность присуща непродному глаголу и сохраняется в производном;
- (2) лабильность возникает у производного глагола и является результатом полисемии показателя;
- (3) лабильность возникает у производного глагола в силу свойств исходной основы (например, адъективной);
- (4) лабильность возникает у производного глагола, поскольку в фокусе находятся компоненты, привносимые показателем – однако возможна не при любом исходном глаголе.

Тип (2) имеет место, в частности, в тюркских языках, где каузативные показатели могут иметь пассивное прочтение, в котором являются непереходными, а рефлексивные маркеры часто обозначают и рефлексив, и медий: ср. хакасский глагол *xış'in* ‘чесаться’ vs. ‘чесать (свою) часть тела’.

Французские отадъективные глаголы принадлежат к типу (3): лабильность глаголов типа *blanchir* ‘белеть/белить’ или *noircir* ‘чернеть/чернить’ связана, видимо, с тем, что они образованы от прилагательных. Словообразовательный тип *-ir* не имеет особой семантики и встречается и у непродных глаголов, а значит, не влияет сам по себе на лабильность.

Арабская лабильность, по-видимому, принадлежит к четвёртому типу. Упомянутая выше третья порода обозначает воздействие на некоторый объект, часто симметричное, но не всегда имеет значение взаимности или симметричности. Лабильность возникает в случаях, когда и глагол первой

породы обозначает прототипически симметричную ситуацию. При этом «симметричный» компонент значения словообразовательной модели активизируется, а наличие/отсутствие каузативной семантики отходит на второй план, в результате чего и возникает лабильность.

Можно было бы возразить, что только лабильность непроемных лексем иллюстрирует тенденцию **глаголов** (а не аффиксов) к лабильности. В действительности это не совсем так. Строго говоря, если исключить из рассмотрения лабильность производных глаголов, то анализироваться будет фактически лабильность корней, а не самих глаголов, тогда как некоторые большие группы глаголов, склонных к лабильности, типично бывают именно производными, ср., например, глаголы отадъективные типа ‘краснеть’, обозначающие приобретение пациентом некоторого признака.

Заметим, что данный параметр может характеризовать не только отдельный язык: так, в эргативных языках зависимость лабильности от производности глагола гораздо слабее, чем в аккумулятивных – эргативных языков типа французского не обнаруживается.

2.4. «Ядерные» и «периферийные» системы.

Лабильность в некотором языке может характеризовать либо ядро класса переходных глаголов (например, деструктивные глаголы типа ‘ломать(ся)’, ‘рвать(ся)’), либо периферию этого класса (например, фазовые глаголы или глаголы каузации движения). В первом случае мы говорим о **ядерной** системе, во второй – о **периферийной**.

Во втором случае лабильные глаголы данного языка часто сложно отнести к определённом диатетическому типу. Например, группа глаголов движения внутренне неоднородна: среди них встречаются глаголы с агентивным субъектом (‘идти’) и с пациентивным (‘катиться’) – первые скорее близки к прототипическим декаузативам, а вторые отстоят от них далеко.⁶

Глаголы движения склонны к лабильности: в частности, они допускают варьирование диатезы в языках, где лабильность не развита: например, в польском, русском и древнегреческом.

В частности, в русском языке лабильны глаголы *катить*, *мчать*, *гонять*, *сгонять*, *погнать*, *гнать*, *двигать*, *трогать*, *кружить*, *повернуть* (а также *свернуть* и *завернуть*). Других заметных групп глаголов не выделяется, хотя отдельные представители других классов (например, *лечь*, *играть*) выделить можно.

Значения глаголов приведённой группы в двух употреблениях различаются: так, если в переходном употреблении глагол *кружить* означает ‘каузировать совершать круговые движения’ (*Кавалер кружит даму в танце*), то в непереходном значение немного отличается: ср. невозможное **Дама кружит в танце* и, наоборот, *Вертолёт кружит над посёлком* при невозможном **Лётчик кружит вертолёт над посёлком*. Определить тип

⁶ В работе [Geniushienė 1987], непереходные глаголы движения типа ‘двигаться’ называются **автокаузативами** от соответствующих переходных.

деривации, связывающей два употребления глагола, сложно из-за различий сочетаемости.

Важно, что от тех же глаголов образуются возвратные дериваты, действительно являющиеся рефлексивами: так, «настоящим» рефлексивом от *кружить* является глагол *кружиться* — их сферы употребления практически совпадают. Аналогично ведут себя *двигать* (*Двигать мебель — Собираемся и двигаем в город*), *повернуть* (*Я повернул стол — Я повернулся* (изменение положения) — *Мы повернули налево* (изменение направления движения)) и, возможно, другие глаголы.

Итак, русские лабильные глаголы движения нельзя отнести ни к декаузативно-, ни к рефлексивно-лабильным. Более того, соотношение диатез у разных глаголов не совпадает: ср., например, *кружить*, близкий к декаузативу (субъектом непереходного употребления типа *Листья кружат над переулком* может быть неагентивный актант) и *мчать*, близкий к автокаузативу. К лабильности склонны глаголы движения в целом, как класс. Аналогичная ситуация возникает в древнегреческом (лабильны как глаголы со вторичной рефлексивной диатезой типа *ballo* ‘бросать(ся)’, так и со вторичной каузативной типа *baino* ‘идти/вести’) и в польском. Во всех этих случаях лабильность мотивирована семантически.

Склонность глаголов движения к лабильности можно связать с характеристиками их актантов: эта группа глаголов имеет по два актанта, ни один из которых не является прототипическим пациенсом. Кроме того, в переходном употреблении субъект каузирует движение объекта, двигаясь при этом сам (ассоциативная каузация в терминах [Shibatani, Pardeshi 2002]). Таким образом, субъекты переходного и непереходного употреблений достаточно схожи между собой, что делает ближе и сами две диатезы этих глаголов (ср. русский, где непереходные употребления глаголов движения часто агентивны).

Другую группу глаголов, склонной к лабильности, но не принадлежащую в переходном употреблении к прототипически переходным глаголам, являются фазовые глаголы — прототип переходного глагола, предложенный в [Nopper, Thompson 1980], предполагает сильную затронутость действием пациенса, тогда как фазовые глаголы вообще не имеют пациенса. В болгарском языке все фазовые глаголы лабильны, хотя в целом лабильность не слишком широко распространена: в частности, не лабильны глаголы сильного воздействия на пациенс. Практически во всех языках Европы хотя бы некоторые из фазовых глаголов также лабильны: ср. нем. *anfängen* ‘начать(ся)’, рум. *începe* ‘начать(ся)’, серб. *почети* ‘начать(ся)’. Системы типа русской, древнегреческой или польской можно назвать периферийными (лабильны не прототипически переходные деструктивные глаголы, а часто периферия класса переходных глаголов) или семантически мотивированными. Напротив, системы типа адыгейской можно назвать ядерными или деривативно мотивированными — лабильность характерна для ядра класса переходных глаголов: *zeʔetxən* ‘разрывать(ся)’, *q_wəten*

‘разбивать(ся)’, *zebɣərətəq_wən* ‘рассыпать(ся)’ – и пары употреблений этих глаголов семантически соотносятся так же, как пары «переходный глагол/декаузатив» в русском языке: ср. *рассыпать* ~ *рассыпаться*, - где имеет место актантная деривация, маркированная показателем *-ся*.

Тип мотивации лабильности в данной языковой системе (то есть то, что для неё более важно – семантический класс глагола или соотношение между его употреблениями) можно отчасти проверить тем, как соотносятся значения лабильного глагола с употреблениями производных от него. Русский глагол ‘повернуть’ может употребляться как лабильный, только если обозначает поступательное движение (ср. *Мы повернули направо*). Напротив, если подразумевается круговое движение, смена ориентации, то непереходное употребление маркируется (*Я повернулся/*повернул к нему спиной*). Следовательно, наиболее важна семантика глагола – его принадлежность к глаголам поступательного движения.

В действительности семантическая мотивация прослеживается и в ядерных системах: в частности, для дагестанских эргативных языков, судя по всему, характерна лабильность глаголов сильного воздействия на прототипический пациенс: ср. лезгинский язык, где среди лабильных глаголов — деструктивные глаголы *xip* ‘ломать, раскалывать’, *kip* ‘гореть/жечь’, *q'in* ‘умереть/убить’ — и очень мало глаголов других типов. Различие состоит в том, что небольшая «лабильная» группа принадлежит к прототипически переходным глаголам, а не к классу фазовых глаголов или глаголов движения, то есть вкладывается в класс прототипически переходных глаголов.

Как легко заметить, сильная семантическая мотивация лабильности отличает лабильность от продуктивных каузативных или декаузативных маркеров: последние во многих языках (например, абхазо-адыгских или тюркских) могут образовывать каузативы от любых глаголов, независимо от их семантического класса. С другой стороны, лабильность в европейских языках отличается и от непродуктивных каузативных и декаузативных маркеров, поскольку такие маркеры обычно сочетаются именно с глаголами, имеющими прототипических агенса и пациенса.

Эти различия связаны с природой лабильности. Лабильность кардинально отличается от маркеров дериваций: вероятно, она — не способ производить от одной ситуации другую, а способ объединить в одном глаголе близкие ситуации. Так, рефлексивная лабильность часто встречается у глаголов, обозначающих действия, прототипически направленные на самого субъекта — что ‘мыть’ и ‘мыться’ в реальном мире — очень близкие ситуации (ср. *мыть руки*, *мыть лицо*). То же верно для реципрокальной лабильности, часто встречающейся у глаголов типа *meet* ‘встречать(ся)’, обозначающих взаимное действие в обоих употреблениях.

Мы считаем, что системы, где лабильность затрагивает не узкий семантический класс типа глаголов движения, а класс прототипически переходных глаголов типа ‘разбить(ся)’ или ‘рассыпать(ся)’, более склонны к

лабильности, чем системы с сильной семантической мотивацией. Хотя эргативные языки в [Drossard 1998] считаются более склонными к каузативной лабильности, чем аккумулятивные, разница в количестве лабильных глаголов невелика (например, немецкий и французский языки сопоставимы с адыгейским, а болгарский – с лезгинским: оба имеют от 10 до 15 лабильных глаголов). Различие заключается именно в том, что в эргативных языках лабильность характерна для **ядра** класса переходных глаголов, а в аккумулятивных – для **периферии** (в частности, для фазовых глаголов и глаголов движения).

Представленные выше параметры систем лабильных глаголов касались, прежде всего, типологии классов лабильных глаголов: того, какие именно глаголы склонны становиться лабильными. Но не менее важно и то, как прототипическая лабильность соотносится с другими способами маркирования актантной деривации и другими типами варьирования диатез.

3. Лабильность и показатели деривации

Как правило, лабильные глаголы рассматривались в отрыве от маркеров деривации. Однако на самом деле многие лабильные глаголы могут принимать маркеры деривации. Следовательно, важно, есть ли в языке с лабильностью также маркеры дериваций и как соотносится продуктивность этих средств выражения. Этот вопрос ещё не исследован достаточно подробно, однако понятно, что в языке с большим количеством лабильных глаголов лабильность может как бы заменять маркеры дериваций.

Так, в английском языке показатели декаузатива и каузатива просто отсутствуют, а лабильных глаголов очень много⁷. Однако чаще всего показатели дериваций сосуществуют с лабильными глаголами.

Как показано в работе [Schäfer 2003], в ряде индоевропейских языков немаркированная и декаузативная формы лабильного глагола различаются своими **аспектуальными** характеристиками. Тому же явлению посвящено исследование [Cornips, Hulk 1996]: авторы показывают, что в некоторых диалектах нидерландского языка маркированные декаузативы фокусируют внимание на конечной точке ситуации и в связи с этим, например, не сочетаются с обстоятельствами длительности действия типа ‘за три часа’ (см. (1a)). Напротив, немаркированные непереходные употребления с ними сочетаются (1b):

- (1) a. *dat het ei **zich** 3 minuten lang gekookt heeft
 что DEF яйцо REFL 3 минута.PL за PART иметь.PRS.3SG
 ‘...Что яйцо приготовилось за три минуты’
- b. dat het ei 3 minuten lang gekookt heeft
 что DEF яйцо 3 минута.PL за PART иметь.PRS.3SG
 ‘Что яйцо приготовилось за три минуты’.

⁷ Впрочем, и в английском языке лабильные глаголы не затрагивают ряд больших семантических зон – например, зону эмоций: ситуации типа ‘рассердить(ся)’, ‘огорчить(ся)’ и др. обозначаются переходными глаголами и пассивами от них. См. об ограничениях на лабильность в английском языке в [Levin 1993] и [Levin, Rapoport Novav 1994]

Однако ещё более распространена ситуация, когда маркированная и немаркированная формы различаются по **свойствам участников и ситуации в целом**. Так, в адыгейском языке маркированные каузативы от лабильных глаголов, в отличие от немаркированных, обозначают волитивную каузацию (например, *qexepen* ‘нарочно оставить’, в отличие от *qepen* ‘оставить’). В болгарском языке фазовые глаголы в сочетании с маркером декаузатива *се* обозначают начало или конец менее агентивных действий, чем без него.

Рассмотрение лабильных глаголов в сравнении с маркированными дериватами полезно и для анализа свойств самих показателей. Так, в немецком языке многие глаголы разрушения/сильного воздействия на пациенс лабильны: ср. *brechen* ‘ломать(ся)’, *zerreißen* ‘разрывать(ся)’, *verbrennen* ‘сжигать/сгорать’ – и не обслуживаются показателем декаузатива *sich*. В языках мира маркеры декаузатива употребляются, прежде всего, именно с глаголами сильного воздействия на пациенс, но в данном случае эту зону оккупирует лабильность.

Различия между европейскими и эргативными кавказскими языками отчасти можно связать с системой маркеров дериваций: считается, что для европейских языков характерно маркирование повышающих, а для европейских – понижающих актанных дериваций. Напротив, лабильность в эргативных кавказских языках сосредоточена во многом в зоне, обслуживаемой прототипическими декаузативными маркерами, а в европейских языках – каузативными.

Так, в адыгейском языке имеются и маркер каузатива *кә-*, и маркер декаузатива (а также рефлексива) *зә-*, но каузативный маркер гораздо продуктивнее. Это отражается и на свойствах класса лабильных глаголов: лабильность вообще чаще возникает у тех глаголов, у которых исходной была бы именно переходная форма (например, *zebɣerətəq_wən* ‘рассыпать(ся)’, *zeg_wetɣən* ‘рвать(ся)’ и др.), объект которых несамостоятелен и сильно пациентивен. Лабильность здесь действует как бы вместо декаузативного маркера.

Связь лабильности с имеющимися в языке показателями деривации видна также на примере ненормативных употреблений типа *Его уволили* (‘уволители’), *Мясо надо оттаивать* (‘размораживать’) (см. другие примеры в [Сай 2004]). Симметричной немаркированной декаузативации в современном русском языке не существует, поскольку имеется маркер декаузатива *–ся*.

Практически во всех языках маркеры деривации сочетаются с лабильными глаголами, давая тот или иной сдвиг в значении по сравнению с немаркированным употреблением (например, адыг. *zebɣerətəq_wən* ‘рассыпать’ ~ *zebɣerəbetəq_wən* ‘разрушить’, *taɣən* ‘развязать’ ~ *keɣaɣən* ‘отвязать (телёнка)’). Это подтверждает, что, как показано в части 3, лабильность и маркеры деривации просто занимают разное место в грамматической системе: маркеры обозначают различия между диатезами, а лабильность объединяет их в одной лексеме.

Эта объединяющая функция проявляется, например, в склонности к лабильности группы фазовых глаголов. Два употребления лабильного глагола типа *The teacher began the lesson* и *The lesson began* близки по свойствам актантов: ни одно из них не имеет ни прототипического агенса, ни прототипического пациенса⁸, оба обозначают вхождение ситуации в новую фазу.

Тем не менее, языки несколько различаются по данному параметру – и это различие коррелирует с различием между большими и малыми, а также между семантически и деривационно мотивированными. В адыгейском или немецком языке – больших деривационно мотивированных системах, для которых лабильность характерна – она часто замещает показатели деривации, что приводит к появлению лексем типа адыгейского глагола *qWeten* ‘разбить(ся)’ или немецкого *brechen* ‘разбить(ся)’, не сочетающихся с показателями (ни маркированного каузатива со значением ‘разбить’, ни возвратного деривата *brechen sich* ‘разбиться’ не существует). В менее склонных к лабильности системах – в частности, в болгарской – все фазовые глаголы сочетаются с показателями, то есть лабильность не заменяет показатели, а только дополняет их.

Заключение

В нашей работе мы попытались наметить проблемы типологии систем лабильных глаголов. Хотя лабильность является свойством отдельных лексем, оказывается, что их систематизация всё-таки возможна. Типология систем лабильных глаголов интересна и для понимания природы лабильности, и для выяснения её взаимоотношений с другими явлениями.

Типология систем даёт возможность выявить "центр тяжести" класса лабильных глаголов, группу, для которой лабильность особенно характерна. Кроме того, мы получаем возможность понять, какими принципами регулируется принадлежность глагола к лабильным.

Очень важно систем лабильных глаголов коррелируют с другими свойствами языков – с их строем, системой показателей и др. – а также друг с другом. При этом существенно не только количество лабильных лексем (вопреки ожидаемому, в кавказских эргативных языках лабильных глаголов не намного больше, чем в аккумулятивных), но и другие свойства их класса: в эргативных языках лабильность в большей мере сходна с маркером деривации, так как часто затрагивает группы прототипически переходных (например, деструктивных) глаголов – сходным образом во многих языках действуют маркеры декаузатива – характеризует гомогенные группы и мало зависит от производности глагола. В аккумулятивных языках лабильность находится ближе к семантической деривации и связана со свойствами узкого семантического класса глаголов. Итак, лабильность, не являясь собственно средством обозначения мены диатезы, может в разной степени вписываться

---

⁸ Напротив, прототипические переходные глаголы - например, 'рвать' или 'ломать' - имеют прототипический пациенс. Вопрос о наличии прототипического агенса является спорным, поскольку ситуации такого рода часто возникают вопреки воле субъекта.

систему грамматических маркеров, что и показывают выделенные нами параметры. В таблице показаны различия между эргативными и аккумулятивными языками.

Классы лабильных глаголов в эргативных языках	Классы лабильных глаголов в аккумулятивных языках
гомогенные	гетерогенные
ядро класса переходных глаголов	периферия класса переходных глаголов
глаголы не сочетаются с показателями	глаголы сочетаются с показателями
лабильность не зависит от производности	лабильность зависит от производности

Литература

- Гаврилова В.И. *Пассивные и квазипассивные конструкции русского языка*. Рукопись. 2000.
- Кумахов М.А. Об основах вариантного управления в адыгских языках. Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, 17. 1990. 42-47.
- Летучий А.Б. Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты. АКД. 2006.
- Летучий А.Б. Средства маркирования противопоставления «инхоатив/каузатив» в адыгейском языке. В печати.
- Лютикова Е.А. Русские лабильные глаголы в типологической перспективе. Материалы к докладу на Ломоносовских чтениях. 2002.
- Махмудова С.М. *Морфология рутульского языка*. М., 2001
- Рогавя Г.В., Керашева З.И. *Грамматика адыгейского языка*. Краснодар - Майкоп, 1966.
- Сай С.С. Об одной продуктивной модели каузативации в спонтанной русской речи. // *Второй международный конгресс русистов-исследователей. Материалы к докладам*. М., 2004.
- Чикобава А.С. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции. // *Известия ИЯИМК*, XII. Тбилиси, 1942 (на грузинском языке).
- Яковлев Н., Ашхамаф Д. *Грамматика адыгейского литературного языка*. М.–Л. 1941.
- Chaker S. *Un parler berbère d'Algerie (kabylie)*. Paris, 1983.
- Cornips L., Hulk A. Ergative reflexives in Heerlen Dutch and French // *Studia Linguistica* 50, 1. 1996. 1-21.
- Drossard W. Labile Konstruktionen // Kulikov V., Vater H. (eds.). *Typology of verbal categories. Papers presented to V.P. Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Tübingen, 1998.
- Geniušienė E. *The Typology of Reflexives*. Berlin – New York – Amsterdam, 1987.
- Haspelmath M. *A Grammar of Lezgian*. Berlin, 1993 (Haspelmath 1993a).

- Haspelmath, M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // Comrie B. and M. Polinsky (ed.). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 1993: 87-120 (Haspelmath 1993b).
- Kemmer, S. *The Middle Voice*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1993.
- Levin B. English verb classes and alternations. 1993.
- Levin B., Rappaport Hovav M. A preliminary analysis of causative Verbs in English. *Lingua* 92, 1994. 35-77.
- Schäfer F. The morphological patterns of anticausatives and their interpretations. Ms. 2003.
- Shibatani M. and P. Pardeshi. The causative continuum // Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam/Philadelphia, 2002. 85-127.
- Wright S.K. Internally Caused and Externally Caused Change of State Verbs. PhD dissertation. Evanston, 2001.